

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

ДУМКИ ГОРЬКИЕ МУЖИЦКИЕ...

1. И дорога телушка, и дорог перевоз

Не припомню, чтобы где-нибудь в России детей водили на хлебное поле. Просто посмотреть – как колосятся пшеница ли, рожь ли, ячмень. Ребёнок, не познавший цену хлебной краюхе, – испорченный ребёнок. Не оттого ли нынче в деревнях массовое уныние, а в городах массовый дебилизм? Бывало, когда от земли отворачивался ну один, другой, третий крестьянин, но чтобы вся нация... Тяжело говорить о трагедии деревни. Мотаюсь по российским просёлкам вот уже сорок лет, и душа стонет... Прошлой осенью уже прозвучал тревожный звоночек: цены на хлеб, молоко, мясо, картошку и другие продукты подскочили в два-три раза, но нам всё нипочём. Что ожидает народ зимой? Самое время обернуться к истории.

Маленький мальчик Дима Менделеев из села Аремзянка Тобольской губернии имел в детстве счастье видеть, и как весной мужики пахут землю, и как в межень лета косят травы в лугах, и как по осени убирают урожай. Прошли годы. Дмитрий Иванович Менделеев стал учёным с мировым именем. Творец Периодического закона химических элементов, автор бессмертного труда «Основы химии», выдающихся открытий в области физики, метеорологии, воздухоплавания, экономики, промышленности. Но он ещё и немало сделал для развития отечественного земледелия, животноводства, лесоводства, переработки сельскохозяйственной продукции. В этих трудах гений Менделеева проявился с особой силой. Его по праву называют основоположником русской агрохимии.

Купив в 1865 году имение Боблово в Клинском уезде Московской губернии, Дмитрий Иванович, что называется, с головой ушёл в сельское хозяйство.

В его распоряжении было 400 десятин земли, из которых большую часть занимали леса и луга. Пашни – всего 60 десятин. Запущенной, заболоченной, оскудевшей. Ввёл многополье, приобрёл сельскохозяйственные машины, обзавёлся фермой. На «никудышной» подмосковной земле стал получать урожаи ржи по 400 пудов с десятины (60 центнеров). Производил свинину, творог, сметану...

В работе «К познанию России» Менделеев писал: «Желать улучшения дорог, развитой и правильной торговли, дешевизны всякого рода улучшенных орудий и искусственных удобрений – ведь в сущности не что иное, как желать промышленного строя, потому что только он может доставить всё это в таком изобилии и столь дёшево, как это нужно для возможности правильного хода земледельческой промышленности в нашей стране. Нельзя же и суперфосфат, и плуги, и сеялки, и локомобили – всё привозить издалека – оттуда, куда идёт много нашего хлеба. Сами по себе земледельцы никогда богатства нашей стране не доставят, в которую бы сторону ни пошло развитие земледелия, если рядом не будет развитой промышленности. Ограниченный рост промышленности совершенно непригоден нашему краю и неприличен нашему народу».

Мудрые слова. Сказаны 100 лет назад. А что мы сотворили с деревней? Сделали как раз всё наоборот: разогнали крупные коллективные хозяйства, разрушили сельскохозяйственное машиностроение, угробили животноводство, ударились в безумную распродажу родной земли. Половину продовольствия завозим из-за рубежа. Почти на 30 миллиардов долларов! И дальше надеемся кормиться с чужого стола? Боюсь, не получится...

На протяжении многовековой истории Русь сотрясали тысячи крестьянских восстаний. Неизменное требование мужиков: земля и воля. Даже будущи закрепощёнными, крестьяне (свыше 12 миллионов) всегда считали землю своею. Говорили помещикам: “Да, мы – ваши, но земля наша!” И не дай Бог заступит между! С кольями шли друг против друга. Что же случилось с русскими пахарями и сеятелями на переломе XX–XXI веков, когда они молча ушли с земли? Вопрос непростой. Ответить на него в двух словах невозможно. Тут переплелось многое. И всё-таки не случайно же родилась в народе пословица: “Помирать собрался, а жито сей!” Выходит, к отчаянному шагу мужика подтолкнуло нечто сверхнестерпимое?

Вдумаемся: из 220 миллионов гектаров сельскохозяйственных угодий – половина ныне в запустении. Старопахотные земли зарастают лесом. Кто их хозяин? Разделили на паи и бросили. Сколько ж крестьянского пота было пролито, чтобы раскорчевать, распахать, увозить новины! И вот перед глазами невиданный раскор. . . На крестьянской беде неплохо погрели руки толстосумы. Олигархами, владельцами крупных фирм, банкирами, иностранцами (через подставных лиц) за бесценок скуплены десятки миллионов гектаров сельхозугодий. Первое, что они сделали, – порезали в хозяйствах почти весь скот. Зачем платить зарплату дояркам и скотникам? А чтобы землю не отобрали, сделали ставку на зерновые. По весне посеют, осенью уберут урожай – и никаких хлопот! Ждут момента, когда можно будет с выгодой перепродать пашню под коттеджи, гольф-клубы, какие-то другие объекты. Перекос налицо. Новоявленных латифундистов нельзя сравнить с теми 100 тысячами помещиков, которые владели в России огромными площадями сельхозугодий до отмены крепостного права. Помещики хоть и бесновались над мужиками, но всё-таки заботились о плодородии земли, иначе не прокормились бы. А нынешним же владельцам бывших колхозов и совхозов и дела нет до истощения пашни.

Коль скоро поубавилось скота – значит, и навоз негде взять. Помнится, в 90-х годах прошлого века хозяйства вывозили на поля органики из расчёта не менее десяти тонн на гектар. Сейчас вносят крохи. Да и минеральных удобрений почти не перепадает. Считалось обыденным припасать к посевной “минералки” по 200–300 килограммов в действующем веществе на гектар. Ныне 95 процентов производимых минеральных удобрений вывозится за рубеж. Редко где раскошеляются на подкормку посевов. Пашня на голодном пайке. Удивительно, как ещё она чего-то родит! В прошлом году на Кубани собрали 11 млн тонн зерна, на Ставрополье – 8, в Воронежской области – 4, 5, в Липецкой, Белгородской, Курской – по 3 млн тонн. Всего по России – 108 млн тонн. Правительство поставило это себе в заслугу. Но странно: по весне мукомолы нигде не могли купить пшеницы третьего класса – качественного зерна, из которого можно испечь хороший хлеб. Зачем же гнать “вал”?

Нынче намолоты куда меньше. В ряде регионов засуха, а в Сибири были проливные дожди. Посмотрим, сколько окажется зерна в закромах.

Получаем урожай благодаря старым запасам удобрений. Но ведь бесконечно брать от земли, ничего ей не давая, – это тупик. Мало ржи. Площади под картофелем в хозяйствах с 2 млн га сокращены в десять раз!

Кто скажет, что за производственные отношения нынче в деревне? Крестьяне оттёрты от земли. Кому же тогда помогает правительство, давая льготные кредиты, субсидируя закупки горючего, удобрений, средств защиты растений? Частному бизнесу? Тем самым олигархам и банкирам? Зыбкая опора. Сегодня ушлые предприниматели заинтересованы в покупке земель, а завтра спокойно могут пустить их в распыл. За последние годы обанкрочено свыше 10 тысяч хозяйств! Хотелось бы того или нет, но государству рано или поздно придётся выстраивать более фундаментальную систему производственных отношений на селе. В основе её должен быть крестьянин, наделённый землёй, как это и было раньше.

Передо мной цифры статистики, которые красноречиво свидетельствуют о провале сельскохозяйственной политики в России в XX веке и обострении

продовольственной проблемы в наши дни. В 1916 году население страны составляло 150 миллионов человек. поголовье крупного рогатого скота насчитывало почти 60 миллионов. Ныне – всего 23 миллиона. Коров было 30 миллионов, осталось менее 9 миллионов (причём из них 5 миллионов приходится на личные подсобные хозяйства). Овец и коз было 100 миллионов, ныне – только 22 миллиона. А ведь населения осталось примерно столько же: 142 миллиона человек. Конечно, до революции в состав России входили Украина, Белоруссия, Финляндия, Туркестан, и надо учитывать это, сравнивая цифры. Но всё равно на душу населения скота стало куда меньше. Откуда ж взяться молоку, мясу, другим продуктам? За всю историю советской власти не было в закромах более 80 миллионов тонн зерна. Напомню: в 1913 году амбарный вес пшеницы и ржи составлял 86 миллионов тонн. На долю России приходилась треть мирового экспорта. Увы, вот уже 15 лет урожаи зерновых у нас колеблются в пределах 70–80 миллионов тонн. Да и то – в бункерном весе. Сколько на самом деле в закромах, трудно сказать. Кое-где по-прежнему приписывают намолоты, чтобы показать видимость “напряжённой” работы губернаторов. Москва, Санкт-Петербург, другие крупные промышленные центры на 80 процентов зависимы от импорта продовольствия. Вот к чему привели шараханья в сельском хозяйстве из одной крайности в другую. В результате Октябрьской революции и Гражданской войны российская деревня потеряла половину нажитого. В последующее десятилетие (в период нэпа) крестьяне несколько подправили положение с продовольствием. Затем новый удар: коллективизация. поголовье скота к 1932 году сократилось ещё на 50 процентов. Сталин, видимо, понял, что селяне до самой смерти не откажутся от личных подворий, и не решился, как позже Никита Хрущёв, на искоренение частного сектора. Сужу по тем же статистическим данным.

К 1956 году в колхозах СССР насчитывалось лишь 31,3 миллиона голов крупного рогатого скота (столько имело и население), в том числе коров в колхозах было 11,4 миллиона, а на подворьях – втрое больше. Соответственно овец и коз: 86 миллионов голов и 146 миллионов.

О чём сие говорит? Народ никогда не верил государству. И Хрущёва не послушались: не повели бурёнок на бойни. Своё – вот оно, под боком: коровёнка, телёнок, поросёнок, куры, гуси, утки, индюки, картошка в огороде. Всё с голоду не помрёшь. Так до сих пор и нет этой веры. А жаловаться, восставать? Раздавят как мошку, и следа не останется. Поразительно: за всю историю России ни одно стихийное восстание народа не окончилось успехом. И наоборот: как только был заговор в верхах, подкреплённый деньгами иностранных государств, – тут же на трон усаживался новый царь...

По сути, весь XX век протоптались на месте. Бросили огромные деньги на освоение целинных земель в Казахстане, а своё Нечерноземье загубили. Теперь эти миллионы гектаров пашни оказались вне границ России...

Особенно удручающее положение в животноводстве. В 1956 году в колхозах и совхозах СССР насчитывалось 20 миллионов голов племенного скота. В том числе: 5 миллионов – симментальской породы, 4,5 миллиона – красной степной, 2 миллиона – остфизской, 1,5 миллиона – швицкой, 700 тысяч – ярославской, 650 тысяч – холмогорской, 550 тысяч – казахской белоголовой, 450 тысяч – бестужевской, 300 тысяч – тагильской, 170 тысяч – красной горбатовской, 140 тысяч – костромской. А ещё разводили породы: сычёвскую, юринскую, красную тамбовскую, серую украинскую, курганскую, астраханскую, кубанско-чернозёмный скот, бушуевский. Что имеем нынче? Племенное дело, можно сказать, свёрнуто. За многие годы Россельхозакадемия объявила о “выдающемся” достижении: выведении новой породы – русской комолой! Какой выход нашли? В 2007 году закупили 100 тысяч племенных нетелей за границей, из которых чуть ли не половина пала. Зачем мы это делаем?

Удивляет, что совсем не занимаемся разведением мясных пород крупного рогатого скота. В пору СССР численность его составляла всего 3 процента от общего стада. Теперь почти совсем нет.

В то же время в США на одну молочную корову приходится четыре мясные. Так же и в странах Евросоюза. Потому и импортируем оттуда говядину.

Очень серьёзный вопрос: качество продовольствия. Резкое сокращение населения России в последние годы (15 миллионов человек) напрямую связано с той отравой, которую мы притащили с Запада: заражённым зерном, негодным мясом, прогорклым сухим молоком и так далее. По большому счёту

есть эти продукты опасно для здоровья. 90 процентов школьников имеют ту или иную патологию. Роспотребнадзор не имеет возможности проверить все партии импортного продовольствия. Этим и пользуются всякого рода дельцы, наживающие огромные состояния на импорте.

С вступлением России в ВТО хозяйства вынуждены будут перейти на современные технологии производства мяса и молока с использованием гормонов роста, генно-модифицированных организмов и т. д. Иначе не смогут конкурировать с западными фермерами. Ещё недавно на лучших российских птицефабриках получали суточный привес цыплят-бройлеров 20 граммов. Ныне – 60 граммов и более! Можно ли есть это мясо? Очень сомневаюсь.

В конце концов мы окончательно подорвём генофонд нации. Что же делать? Так ли уж безнадежно положение с продовольствием? Первое – необходимо освободиться от “стратегов” в правительстве, ориентирующихся в своей деятельности на Запад. Ведь прозевал же бывший министр экономического развития и торговли Герман Греф мировой продовольственный кризис! Что-то не слыхал от него и намёка на приближающуюся беду. Гром грянул осенью 2007 года, когда цены на продукты (хлеб, мясо, молоко, овощи) поползли вверх. И что, Грефа наказали? Увы, теперь правит Сбербанком. Впрочем, и “лучший” министр финансов Алексей Кудрин, другие высокопоставленные чиновники не горюют.

Второе, что надо срочно предпринять, – это разобраться с собственностью на сельскохозяйственные земли. Купил пашню – используй по прямому назначению. Это не носовой платок – высморкался и бросил. Речь о национальном достоянии. До того как земля перешла в руки собственника, она давала урожай. Вот и надо, чтобы каждый гектар пашни производил определённый эквивалент какой-либо продукции. Это нетрудно прикинуть и закрепить законодательно. Тогда у перекупщиков отпадёт охота скупать землю чохом! Говорим о нацпроекте “Развитие АПК”, но ведь фермеру негде взять и клочка пашни. Всё разобрано. Парадокс?

Крестьяне – брошенный народ. Чем заняты губернаторы, главы районных, сельских администраций? Привезли хлеб в деревню или нет – это их не волнует. Так же как и повальное пьянство, наркомания, проституция. 100 тысяч детей ежегодно бросают живые родители! Почему не бьём во все колокола? На селе проживают 40 миллионов человек. Есть ещё из кого выбрать: механизатора ли, доярку, скотника. Надо готовить кадры для хозяйств. На пьяниц чего уповать? Деньги Стабфонда следовало бы направить на воспитание крестьянских детей. Только на них надежда, что не повторят ошибки предков. Без полнокровного крестьянского уклада не будет в деревне лада.

Когда такое было, чтобы столько приезжих рабочих из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Армении, Украины, Молдавии наводняли глубинку? Русская молодёжь косяками покидает деревни: никакой перспективы. В хозяйствах испытывают острый дефицит кадров. Вот и берут мигрантов. Поначалу использовали чужаков только на тяжёлых работах, а сейчас уже учат и на трактористов, комбайнёров, шофёров, поскольку сеять, косить, убирать урожай некому. Но ведь приезжие поработают годик-другой и затем подадутся к себе на родину. Как же дальше-то будем обходиться? Об этом мало кто задумывается.

Шажок за шажком русские крестьяне продолжают сдавать позиции. Крестьянство, по сути, вырождается. Это видно и по облику нынешних сёл и деревень. Раньше каждый хозяин стремился украсить окна резными наличниками, посадить рябинки, берёзки, черёмуху в палисаде. Красота – она ведь в душе у селянина. Нынче о красоте мало заботы, сосед на соседа смотрит со злобцей. Откуда эта неприязнь? Неужели только от нужды, забитости, безысходности?

Помнится, в семьях наказывали детей, коли кто-то из однодеревенцев пожалуется, что тот или иной малец проскочил мимо не поздоровавшись.

В этом приветствии был заложен огромный нравственный смысл: живём, работаем сообща, а значит, должны друг дружку уважать. А сейчас люди словно не видят людей: глаза вниз – и дальше! С этого-то “пустяка” и начинается разлад в душах. Кто скажет: почему ушли от традиционных на Руси мирских сходов? На них испокон веку решались все главные вопросы жизни. Попробуй не подчиниться воле общины! Да и в советское время придавали немалое значение колхозным собраниям. У председателей сельсоветов сро-

ду не было ни секретарей, ни охранников. Приходи и выкладывай просьбу. Вот уж сколько лет говорим о муниципальной реформе, а замков на дверях различных контор всё больше и больше...

Уж очень глубинными “бомбами” отстрелялись по русской деревне! Спрашивается: зачем? Тут два ответа: либо сие сделано сознательно (чтобы ослабить государство), либо от дури. Ведь ещё великий писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин подметил: “Вопрос о том, какое найти лучшее употребление дуракам, так и остаётся открытым...”

При нынешнем раскладе на мировом продовольственном рынке десятки миллионов гектаров старопахотных земель не могут долго оставаться впусе. Чем быстрее введём эти земли в оборот, тем спокойнее будем за судьбы своих детей, всего Отечества.

На Белгородчине состоялась научно-практическая конференция “Русский чернозём—2008”.

Я ездил туда. Учёные бьют в набат. Как известно, Россия обладает половиной всех мировых чернозёмов. Огромное богатство! Однако используется пашня далеко не рационально. Уникальные почвы, являющиеся национальным достоянием России, находятся на грани истощения. По сути, в районах интенсивного земледелия не осталось уже первозданных чернозёмов, которые сохранили бы своё природное плодородие. Эрозия, переувлажнение, солончаки... Это же страшное бедствие! Эрозийные земли в Чернозёмной зоне занимают четвертую часть пашни и почти три пятых сенокосов и пастбищ. За последние 100 лет мы потеряли около трети запасов гумуса. По причине использования тяжёлой почвообрабатывающей техники во второй половине XX века произошло чрезмерное переуплотнение верхнего горизонта чернозёма, что вызвало ещё и водную эрозию. В северных районах зоны наблюдается подкисление почв, чего раньше никогда не было. В южных — засоление. Может, задумаемся: что творим?

Всё это напрямую связано с пробелами в законодательстве, отсутствием нормативно-правовой базы, экологической и природоохранной регламентации антропогенных нагрузок на землю, недостаточной правовой защитой почв как компонента экосистемы, снижением контроля над загрязнением территорий. Практически не ведётся государственный учёт природно-хозяйственного качества почв и экологического состояния земель при их кадастровой оценке.

Директор департамента растениеводства, химизации и защиты растений Министерства сельского хозяйства России Пётр Чекмарёв подтвердил:

— Положение действительно очень тревожное. Сельхозземли в России деградируют. Заброшено около 40 миллионов гектаров пашни. Баланс питательных веществ отрицательный. Не хватает азота, фосфора, калия, ряда других микроэлементов. К сожалению, в 2007 году из 17 миллионов тонн производимых в стране минеральных удобрений крестьянам перепало лишь 1,9 миллиона тонн — чуть больше пяти процентов. Остальное ушло за границу. Как известно, в 90-х годах колхозы и совхозы вносили свыше 12 миллионов тонн минеральных удобрений. Сейчас — крохи. Прощаем старый запас, ничего не давая земле. Нельзя сказать, что правительством не принимаются меры к исправлению ситуации. В программе развития сельского хозяйства на период до 2012 года предусмотрены немалые финансовые средства для повышения почвенного плодородия. Может, эти деньги и не решат всех проблем, но всё-таки — шаг вперёд. Агрохимические службы ведут мониторинг и делают соответствующие расчёты. Разрабатывается экономический механизм, который способствовал бы работе по повышению плодородия земель.

Нынче много разной сельхозтехники, но далеко не всякую машину можно использовать в том или ином регионе, исходя из состояния почв. Поэтому надо очень внимательно подходить к этой проблеме. В Минсельхозе создан департамент земельно-имущественных отношений, который весьма активно занялся созданием нормативно-правовой базы, с тем чтобы изменить ситуацию к лучшему. Ставится задача ввести в оборот пустующие земли с внедрением новейших технологий возделывания пашни. В частности, в 2008 году распашано три миллиона гектаров залежей. России вполне по силам производить 140 и более миллионов тонн зерна. Для этого предусматривается увеличить внесение минеральных удобрений. Расчёт такой, чтобы насытить внутренний рынок. Планируется солидная компенсация крестьянам на закупку удобрений. Думается, это даст свои плоды...

Примером эффективного хозяйствования является Белгородчина. Экономика имеет высокую динамику роста. Только за три последних года прирост валового регионального продукта составил 31 процент. Губернатор Евгений Савченко вникает во все проблемы земледельцев. Если требуется, подстёгивает чиновников на местах, чтобы проявляли больше инициативы, предприимчивости, заботы о селянах...

Результаты налицо. Особенно – в животноводстве. На глазах произошла модернизация ферм и машинных дворов. По объёмам производства мяса птицы белгородцы лидируют в России (16 процентов), на высоком уровне свиноводство, молочная отрасль. В деревнях строятся жильё, школы, детские сады. Люди думают жить, а не умирать. Занялись серьёзно поднятием культуры, духовности. Попробуй на улице выразиться матом – заберут в милицию! А как иначе бороться с невежеством, хамством?

Откуда изначально в России взялась плодородная чёрная земля? Первым учёным, давшим определение чернозёмам, был Михаил Васильевич Ломоносов. В своей книге “О слоях земных”, рассуждая о самом верхнем слое земли, он пришёл к следующему выводу: “Чернозём не первообразная и не первозданная материя, но произошёл от согнания животных тел и растений со временем”. В дальнейшем многие другие учёные продолжили эти исследования. И всё же наиболее глубоко обосновал теорию происхождения чернозёма Василий Васильевич Докучаев. В знаменитом труде “Русский чернозём”, опубликованном в 1883 году, им был дан всесторонний анализ этого явления. По существу, сей труд стал новым направлением в почвоведческой науке. Великий учёный пришёл к выводу, что почвы представляют собой разнообразный природный мир. Совместно со своим учеником Сибирцевым Докучаев разработал методы исследования и агрономической оценки земель, обосновал агромелиоративные приёмы борьбы с засухой в степях России, восстановления почвенного плодородия. Его заслуги перед Отечеством были высоко оценены народом. Принципы и методы докучаевского почвоведения легли в основу зональной агрономии, агрохимии, мелиорации. Василий Васильевич считал чернозём не только источником получения продуктов питания, но и предметом высокого чувства. “Когда я в первый раз приехал в самое сердце чернозёмной полосы – в губернии Тамбовскую и Саратовскую, – писал он, – когда я впервые увидел эти нови, то положительно не мог оторваться от того чрезвычайно приятного, радующего глаз бархатисто-чёрного цвета, которым густой кистью покрыты все тамошные почвы...” Такое вот впечатление произвёл русский чернозём на маститого учёного. Он также утверждал, что чернозём для России дороже золота, каменного угля, нефти, поскольку был и будет кормильцем Отечества.

Сегодня чернозёмные земли занимают семь процентов территории России – миллион квадратных километров. Но здесь производится две трети всей сельскохозяйственной продукции. А это значит, что мы должны беречь чернозём как зеницу ока.

Патриарх почвоведения академик Глеб Всеволодович Добровольский сказал мне: “Для того чтобы прекратить процессы разрушения и деградации чернозёмов, необходимо срочно восстановить существовавшую раньше государственную службу землепользования, землеустройства и охраны почв”. Не обойтись без комплексной национальной программы спасения чернозёмов. Такую программу разработал в своё время Докучаев и успешно претворил в жизнь. Вспомним хотя бы опыт Каменной степи, где до сих пор получают устойчивые приличные урожаи. Ну и, конечно, нужен закон о почвах. Поразительно, но до недавнего времени в Законе “Об охране окружающей среды” даже не упоминалось о почвах как неотъемлемом компоненте природных ресурсов. Были понятия: воздух, вода, земля (в широком смысле), животный и растительный мир, а почва отсутствовала. В результате первой конференции “Русский чернозём – 2000”, обращений к президенту России, правительству РФ, Государственной Думе в новом законе это недоразумение было исправлено. Появился соответствующий раздел о необходимости охраны наиболее плодородных, исчезающих особо ценных почв...

Больно частым гребнем причёсывали русского крестьянина. Вот он и вернулся от земли. О каком экономическом росте твердят в Кремле? Много злых, недовольных жизнью. Дороговизна всего и вся. На ненависть государство долго не удержится. Нужны реальные, а не мнимые реформы, которые бы облегчили положение народа. А начинать надо с поля за околицей.

2. Молочные реки, зыбкие берега

Про гору Благодать я прослышал ещё в детстве. Узловая станция на северной железнодорожной ветке Екатеринбург–Бокситы, где обычно делали пересадку пассажиры, направляющиеся в Москву и дальше. Старинной постройки вокзал, яркие фонари, многолюдье. Хотя поезд из Североуральска останавливался здесь глубокой ночью, каждый раз, проезжая мимо, с любопытством выглядывал из окна вагона: “Что за Благодать? Чем живёт местный люд? Куда ведут отсюда пути-дороги?” Мне было всего пятнадцать лет, когда уехал из родного дома в Свердловск учиться в политехникуме. В голове были радужные мечты. Об изнанке жизни не задумывался. Выпирало наружу: век, что ли, сидеть на картошке и молоке? Покойная матушка не могла предложить нам разносолов, а страсть как хотелось отведать чего-то вкусенького. Оглянуться не успел – полвека позади... Поднабрался ума-разума и сейчас вот думаю: “А ведь вкуснее парного молочка от своей коровы Милки и домашней разваристой картошечки ничего и не едал! Выходит, уехал от счастья?”

В дореволюционной России было много молока и мало нефти. Миллионами пудов отгружали в Европу саратовскую твёрдую пшеницу, вятскую рожь, нижегородский ячмень, сибирское масло, шадринских гусей, тамбовский мёд, а ещё кожевенное сырьё, пеньку, лён, воск, пушнину... Десять-двенадцать детей в крестьянских семьях считались обычным явлением. Деревенька жалась к деревеньке. Причём не объявляли национальных проектов ни по развитию сельского хозяйства, ни по жилью, ни по здравоохранению. Рабочих рук было с избытком. Обрабатывали всю пашню. И клочочка-то пустующей земли не оставалось. За сенокосы – глотки драли!

Ныне будто подменили народ. В России много нефти и мало “живого” молока. Кто считал, сколько плодородной земли и пастбищ под нефте- и газопроводами? И так ли уж выгодно торговать углеводородным (невозобновляемым) сырьём? Обкрадываем будущие поколения. Вдумаемся: Запад строит своё благополучие на высоких технологиях, мы же топчемся на месте, даже не пытаясь по-серьёзному взяться за решение судьбоносных для нации проблем.

В этом смысле обеспечение населения качественными продуктами питания я бы поставил на первое место. Но что сделали “реформаторы” в 1991 году? Бывший премьер Егор Гайдар обозвал деревню “чёрной дырой” и, по сути, прекратил финансирование агропромышленного комплекса. Омертвили основные фонды АПК на десятки миллиардов долларов! Первый президент России Борис Ельцин любил похвастаться: дескать, при советской власти-то народ стоял в огромных очередях за колбасой, а теперь в любом магазине – десятки сортов. Подходи и покупай. Сие ставилось в заслугу демократам. А вот про то, что в этой колбасе мяса всего треть, а остальное крахмал, соя и химические добавки, молчали. Впрочем, как и о никудышном молоке из затхлого порошка, который ввозили в Россию миллионами тонн. Опомнились, когда у большинства малышей стали крошиться зубы из-за недостатка кальция. В Госдуме заговорили о “живом” молоке, Роспотребнадзор запретил продавать в школах “пепси-колу” и чипсы. А о чём раньше-то думали? При желании ведь можно разобраться: кто из государственных чиновников давал разрешения на производство всех этих опасных для здоровья людей продуктов? Воистину “не руби сук, на котором сидишь”. Благодаря нацпроекту “Развитие АПК” за два последних года в ряде регионов построены сотни современных ферм, но общая картина в животноводстве – печальная...

О горе Благодать завёл разговор не случайно. Нынешний куратор сельского хозяйства, а в недавнем прошлом председатель правительства России Виктор Зубков родом из этих мест. Но, видимо, давненько не бывал на Урале. А не мешало бы. Здешний Кушвинский молочный завод (ОАО “Молочная Благодать”) в отличие от других молочных комбинатов, которые резко снизили закупочные цены на сырьё, как принимал у крестьян зимой молоко по двенадцать рублей за литр, так и платит по сей день. Дорог уговор. При этом умудряется не только сводить концы с концами, но и развиваться. В 2007 году построили новое приёмное отделение, смонтировали высокопроизводительную творожную линию, поставили современный фасовочный аппарат. Годом раньше приобрели машину “Нимко”, шесть автоматов “Финпак”, итальянские гомогенизаторы, упаковочную линию и многое другое. Реконструировали котельную. Выпускают продукцию более тридцати наименований:

молоко, сливки, кефир, ряженку, варенец, йогурты, “Снежок”, “Бифилайф”, сметану, творог, сырки с изюмом, творожный крем, желе сывороточное, творожки “Малышок” и “Сказка”, масло “Крестьянское”, сыр “Адыгейский” и другое. Подчеркну: вся вкуснятина из цельного коровьего молока!

— А зачем нам сухой молочный порошок? — удивился генеральный директор ОАО “Молочная Благодать” Юрий Александрович Жуков, когда я спросил его об этом. — Хватает натурального сырья. Ежедневно перерабатываем свыше ста тридцати тонн. Закупаем молоко в хозяйствах Алапаевского, Ирбитского, Верхотурского, Краснотурьинского, Пригородного (Тагильского), Нижне-Турьинского районов. Часть вывозим на своих молоковозах, часть доставляют сами хозяйства. Молочко оно хоть и сладкое, но достаётся крестьянину горьким потом. Кто бы это понимал...

— По какой же цене отпускаете продукцию?

— Не задираем расценки, надо и о народе думать. Скажем, литровый пакет молока — 21 рубль, поллитровая упаковка кефира — 13, ряженки — 15, пачка творога — 24 рубля.

— Плюс надбавки торговли...

Жуков тяжело вздохнул:

— Магазины, разумеется, не будут работать себе в убыток, но всё-таки в Кушве литр молока стоит 24—25 рублей. Дешевле, чем в Москве, Санкт-Петербурге, других городах.

— Это так, — соглашаюсь. — Цены скачут каждую неделю...

Идём по заводу. Территория небольшая. Кругом чистота, порядок. Ни суеты, ни спешки. Каждый занят своим делом. На предприятии работают свыше 450 человек.

В приёмном отделении под разгрузкой “УАЗ” с небольшой цистерной. Водитель Владимир Кузьминых доставил молоко из фермерского хозяйства Анатолия Федулова. Разговорились.

— Раньше у нас был совхоз “Верхне-Турьинский”, — рассказывает он, — в перестройку обанкротился. Теперь небольшая ферма на сто коров. Сдаём по тонне молока в день. К сожалению, нет своего лаборанта, чтобы определить белок, жирность, плотность, кислотность. Жду вот, когда заводская лаборатория выдаст сертификат качества. От этого зависит оплата. Доли процента важны. Денежки-то не чужие... Хотя особых разногласий с переработчиками не возникает...

Рядом стоял молоковоз “ЗИЛ” из СПК “Таёжный” Нижне-Турьинского района. Привёз пять тонн. Водитель Сергей Муромцев тоже доволен:

— Полчаса и свободен! Счётчики “Сименс” учитывают сырьё до грамма. В хозяйстве семьсот коров. Половину молока продаём на месте, другую везём в Кушву. Никаких задержек с оплатой! Удобно и то, что на заводе современная мойка. Компьютер задаёт параметры раствора, температуру, время. Разве сравнишь с мойкой из шланга!

Кстати, смывы тут же проверяют лаборанты. В цистерне не должно оставаться никаких примесей. Иными словами, качество продукции под контролем уже с порога предприятия. Ну и дальше по всей технологической цепочке. Даже тарные лотки, в которых отгружают молоко, кефир, сметану, творог в магазины, проходят санобработку в специальной моечной машине. Вот это подход к делу!

Главный инженер Владислав Якушев не без гордости показывает новенькую творожную линию. Производительность — тонна в час. Привезли из Вологды.

— Практически весь процесс идёт в закрытом режиме, — говорит молодой специалист. — Человек не соприкасается с продуктом, а значит, исключено попадание каких-либо бактерий. На выходе — охладитель и фасовка: в пакеты, стаканчики, плёнку...

Ну, конечно же, попробовал кушвинское молочко. По вкусу такое же, какое пил в детстве от своей коровы. Уверен: и по полезности для организма оно выше всех похвал — коровы-то пасутся на таёжном разнотравье! Жаль, что до Кушвы две тысячи вёрст. Не раздумывал бы — брал только продукцию “Молочной Благодати”.

Понятно, благополучие предприятия создавалось не одним днём. Юрий Александрович Жуков на молокозаводе уже тридцать лет. Каких только высоких чиновников не повидал, но жил своим умом. В тяжёлую пору девяностых годов, когда у хозяйств не было ни гроша в кассах, стал помогать селянам

авансами на закупку горючего, запчастей, удобрений. Рассуждал по-государственному: “Коли вовремя не отсеются, не заготовят кормов для ферм, не уберут урожай, — о каком молоке может идти речь? Выживут крестьяне — выживем и мы...” А в других регионах соблазнились большой выгодой от закупок по импорту сухого молока и тем самым посадили на мель колхозы и совхозы. Сейчас растеряны: скота в хозяйствах мало, брать “живое” молоко негде. А по закону, принятому Государственной Думой, уже нельзя писать на этикетках “Кефир”, “Йогурт”, “Простокваша”, если изготовлены из порошка. Тем более с добавками пальмового масла, меламина, кокосовой стружки, сыворотки и тому подобного. Вот к чему пришли...

Слушал Юрия Александровича и думал: “Русская элита — вовсе не эстрадные певцы и шоумены, а такие государственники, как он, как руководители сохранившихся коллективных хозяйств, фермеры. Тяжко им выдерживать натиск монополистов — крупных молочных компаний, но стоят на своём”.

Спрашиваю Жукова:

— Что следует предпринять, чтобы “живое” молоко появилось везде?

— Первое: перестать давить на крестьян, — ответил он, не задумываясь, — диспаритет цен — беспредельный! Второе: заняться восстановлением поголовья коров. Третье: сделать доступными кредиты для хозяйств. Банки требуют залог, а заложить нечего. Земля не оформлена, фермы — старые, машинный парк изношен. Как быть? Надо смотреть по обстоятельствам: кто руководитель, какая материально-техническая база, может ли поручиться за хозяйство местная администрация. В деревне каждый друг дружку знает в лицо, совесть-то не все потеряли. Риск? Но иначе последних коров переведём.

— Переработчики тоже в обиде...

— А что хорошего, когда прокурор указывает, по какой цене молоко продавать? Волевыми решениями можно только усугубить ситуацию на рынке. Раньше молокозаводам возвращали налог на добавленную стоимость. Это 10 процентов. Потом почему-то отменили это. Чем компенсировать потери? Ценой на продукцию. А в проигрыше-то оказались рядовые покупатели.

Жукову не откажешь в природной мудрости. Ныне затеял ещё одну стройку — цеха школьного питания. Готов проект, вырыли котлован под фундамент, заказали оборудование. К следующему лету планируют запустить линию ультрапастеризации молока. Требования к качеству детского питания особые.

Переговорил на заводе со многими людьми. Здесь подобрались прекрасные специалисты, понимающие, что от труда каждого зависит высокий конечный результат. И стараются работать с большой отдачей.

Из Кушвы направился в Алапаевский район. Охота было поговорить с крестьянами: как выживают? Двести с лишним вёрст. Ехал и смотрел на обочины глазами тех самых водителей, которые каждый день мотают из такой дали на молокозавод. Автотрасса до Нижнего Тагила в неплохом состоянии. Местами её пересекает старинный Екатеринбургский тракт.

В стороне остался некогда гремевший на всю страну Лайский свинокомплекс. Предприятие обанкрочено. Слышал, будто бы собираются восстанавливать поголовье. Но пока окрестные поля в кипрее и молодых ёлочках. Миновали своротки на Нижнюю Туру, деревню Евстюниху. У Выйского пруда повернули на Николо-Павловское. Дорога пошла похуже, машину затрясло. Записываю в блокнот: “Посёлок Первомайский. Зброшенные пашни. Уныние... Село Краснополье. На угоре — церковь, чёрные избы... Мост через реку Вилюй. Пустующие поля, пастбища, сенокосы. Ни одной коровёнки... Село Петрокаменское. От дома к дому поверху газовые трубы, покрашенные охрой. Значит, люди в тепле, не надо на зиму дрова заготавливать... За рекой Нейвой по обе стороны дороги — сосновые боры, гари...”

Поинтересовался у шофёра:

— Давно леса горели?

— С весны. Вся округа пылала! Неудивительно: поля не пашут — огню простор! Трава высохнет, бросят окурки — и пошло...

В Алапаевске долго искали районное управление сельского хозяйства. Кого ни спросим — пожимают плечами. Даже милиционеры не выручили. Наконец нашли. Двухэтажное оштукатуренное здание. Множество разных контор. Селяне на нижнем этаже. Начальник управления Юрий Павлович Маньков оказался человеком разговорчивым. Интеллигентного вида, добродушный. Выложил, что называется, все карты:

– В районе – шестнадцать коллективных хозяйств. Шесть крупных фермерских. На хорошем счету колхоз имени Чапаева, “Путиловский”, “Деевский”, имени Ленина, “Пламя”, “Арамашево”, “Ямовский”, хозяйство фермера Загумённых. Остальные так себе. Пашни 70 тысяч гектаров. В целом производим продукции на четыреста миллионов рублей. За счёт чего крестьяне выживают? Каждый выбирается из трясины как может. Худо-бедно, но имеем четырнадцать мощных комбайнов “Дон-680”. Ведём переговоры об открытии сервисного центра, чтобы не мотать за запчастями в Екатеринбург. Сохранили дойное стадо: шесть с лишним тысяч коров.

– Судя по статистическим данным, за последний год на 560 бурёнок стало меньше, – заметил я. – Это десять процентов. Какой уж тут оптимизм?

Маньков напрягся:

– Конечно, нелегко! Особенно в северной Махневской зоне: заболоченность, мелкоконтурность полей, недостаток кадров. Пятнадцать тысяч гектаров не обрабатывается.

– В Алапаевске же свой молочный завод, – напомнил я, – но хозяйства предпочитают возить молоко в Кушву. В чём тут дело?

– Не рассчитывались за сырьё. Вот крестьяне и перестали сдавать молоко. Ныне предприятие оживает, однако вернуть доверие не так-то просто.

Это верно. Вспомнилось, как в начале 90-х годов чуть ли не силой разваливали колхозы и совхозы. Из Кремля требовали в короткий срок завершить реорганизацию хозяйств. Кое-где обрадовались свободе: дескать, теперь заживём! Никто не будет указывать, сколько сеять, когда убирать урожай, куда сдавать продукцию. Каждый потянул “одеяло” на себя, а в итоге проиграли все. Экономические связи были нарушены, материально-техническая база быстро обветшала, а молоко и мясо оказались никому не нужными. Страну захлестнул поток импортного продовольствия. Теперь, конечно, опомнились. А что толку? Близок локоток – да не укусишь...

В сельхозкооперативе “Пламя” два отделения: в селе Невьянское и деревне Ключи. Тут ещё как-то выстояли: и поля засеваются, и стадо в 1200 голов на выпасе. Встретился с председателем Иваном Александровичем Пыриным. Коренастый, жилистый, сухощавый. Чувствовалось: уверен в себе, хотя ноша на плечах нелёгкая. Слово за слово, разгорячился:

– Почему крестьяне понимают, что России без коров не обойтись, а правительство раздумывает: помогать или нет деревне? Как уборка – цены на солярку, бензин, запчасти ползут вверх. На Западе цена тонны зерна и горючего – одинаковая, а в России, где нефть не привозная – своя, пшеница в пять раз дешевле солярки. Во что обойдутся корма? Молоко, оно течёт из вымени-то медленно... Крутимся с утра до позднего вечера, чтобы заработать копейку. А кто-то “сливки” от нефти собирает...

Передо мной сидел истинный крестьянин – из той породы, что не скисают при первом же ударе судьбы. Разве душа не стонет? А мысли всё равно о том, как вывернуться. За ним ведь община, живые люди. Не их вина в разладе на земле. Если бы не дёргали, не давили налогами, – давно бы в деревне был лад. Раньше вот колхозы имели свой лес, строились сами. Теперь доски не найдёшь, чтобы починить настил в коровнике. Надо выписывать. Колхозные леса отошли лесхозам. Так и с землёй – то дадут, то отберут...

– Каждый год заготавливали 2–3 тысячи кубометров древесины, – рассказывал Пырин. – Имели в пользовании полторы тысячи гектаров поля. Хотя немного, но строили хозспособом дома. Сейчас куда поселить молодые семьи? Детсад развалился. Подлатали бы, да нечем. Перевели малышей в школу. Теснота. Двадцать ребятешек устроили, а столько же сидят по домам.

– Ещё рожают в деревне? – вырвалось у меня.

Лицо директора просветлело:

– А чего же, катают мамы коляски... Многие по второму ребёнку. Жаль, больницу закрыли...

По дороге в колхоз “Путиловский” залюбовался озимой рожью в наливе, тучной пшеницей, овсами, ячменём. Это же великое счастье, когда хлеб уродит! Чувство, не передаваемое словами. Крестьяне испокон веку живут надеждой на щедрый колос.

В памяти осталась встреча с ещё одним толковым руководителем. Председатель колхоза “Путиловский” Николай Александрович Калугин сразу повёз на ферму в деревне Верхний Яр. Здесь современное холодильное оборудование, молокопровод. С подойниками доярки давно не ходят.

— Молочко у нас вкусное, — угощала хозяйка фермы Галина Сергеевна Савина. — Пейте на здоровье! Доим дважды в день: в 6 часов утра и вечером. Подождём, пока животные успокоятся после пастбища, и только тогда приступаем к дойке. Всё по режиму, как в детских яслях. . .

И правда: коровы чистенькие, упитанные. В проходах свежие опилки. Ферма хоть и старенькая, но крепкая.

— Имеем четыре молоковоза, — добавляет Николай Александрович. — В сутки надаиваем десять тонн. Почти всё везём в Кушву. Часть продаём на рынке в Алапаевске. Одно время сдавали в Екатеринбург, но денег там не платили. До сих пор не можем получить с молококомбината сто двадцать шесть миллионов рублей. Считаю, подарили молоко. . . И суд не помог!

— С чем ещё проблемы? — спрашиваю директора.

Он махнул рукой:

— Да об этом уж столько говорено, что оскомину на языке набил. Трудно с реализацией мяса. Себестоимость 120 рублей, но и по этой цене не берут! Кто же себе в убыток будет откармливать скот? Мясо-то парное, а в магазинах торгуют мороженым, привезённым из-за океана. Что в нём толку? Разве сравнить с нашим? Но поди докажи торговцам. Им бы “наварить” побольше. . .

Может, председатель о чём-то умолчал? Не обо всех бедах расскажешь. Да и не любят в деревне жаловаться. Впрочем, я не лез в душу. Крестьянский мир — это вековые заповеди, кладёз народной мудрости. Напоследок Калугин всё-таки проговорился. Оказывается, и у себя на подворье держит корову.

— Взял из-за пятилетнего внучонка Славки, — пояснил он. — Нужды особой не было. Пошёл бы в магазин и купил, но своё молоко вроде как послаще. . .

Собственно, мне и объяснять этого не требовалось. Разумеется, домашнее не только слаще, но и полезнее. Хозяйкам и в голову не придёт нагонять надои, скармливая бурёнкам химическую подсыпку — гормоны роста и тому подобное, что делают на иных фермах. Да и доят-то руками, не травмируя животных доильными аппаратами.

Молокозавод в Кушве наладил в деревнях закупку молока у населения. В частности, есть приёмный пункт в селе Коптелово, что в 15 километрах от Алапаевска. Жуков дорожит крепкими связями с хозяйствами, понимая, что лучшего молочка, пожалуй, нигде и не сыскать.

Разве не актуальны сегодня мысли того же Дмитрия Ивановича Менделеева относительно развития молочного хозяйства? По поручению Вольного экономического общества в 1869 году он обследовал скотоводство в Новгородской, Ярославской, Тверской областях и пришёл к следующему выводу: необходимо опираться на “русские породы” скота, а не увлекаться закупкой племенных коров за рубежом, которые не приспособлены к русскому климату. Всё дело в правильном кормлении животных. В докладе “О доходности молочного скотоводства” Менделеев говорил: “В тех местах, где корм недостаточно хорош и где пользование им не соображается с природою дела, там никакое расовое (племенное) стадо не может дать значительных удоев. Что же касается той породы, которая характеризуется названием “русская порода”, она дала уже ясные результаты. Не в расе дело, а в хорошем корме и тщательном подборе. Где их нет — нет удойливости и от лучших, даже самых своеобразных и постоянных рас, а где есть меньше отобрать не форму, а способность к оплате корма, да притом и хороший корм, там только больший удой. Не породу надо искать нашим хозяевам, а знания в отборке и умении кормить. . .”

Поразительно: великий гений не гнушался до такой степени вникать в суетные хозяйственные дела! Нынешним же высоким чиновникам всё недосуг заняться всерьёз деревенскими проблемами. Неохота пачкать пальчики в навозе. Надежда только на изворотливость крестьян.

Наконец-то докричались до Кремля: хватит губить импортной отравой! Введены ограничения на ввоз мясных продуктов из ряда европейских стран. В частности, Дании, Франции, Германии, Италии, Испании, а также Австралии, Аргентины, Бразилии. Ветеринарная служба выявила в мясе вредные вещества, опасные для здоровья. В американских бройлерах обнаружили тяжёлые металлы. А сколько уже съели ядовитых “ножек Буша”?! Сплавляют их нам по 45 рублей за килограмм, в то время как отечественная курятина вдвое дороже. Разве бедные старушки будут на этикетки обращать внимание? Лишь бы купить подешевле. . . В 1990 году в России производилось 11 миллионов тонн мяса. Ныне — вдвое меньше. Где же добирать остальное? Только по импорту. Не сомневаюсь, что таможенные “шлюзы” скоро вновь откроют.

А сколько людей отравились некачественной молочной продукцией? Не так давно в экстренном порядке обеими палатами Федерального Собрания был рассмотрен технический регламент на молоко и молочные продукты. Соответствующий закон утвердил глава государства Дмитрий Медведев. Как заметил председатель Госдумы Борис Грызлов, сегодня молоком называется всё, что белого мутного цвета и упаковано в полиэтиленовые пакеты... Теперь молоко должно быть только цельным, а то, что выработано из порошка, — будет называться молочными напитками. Доберутся ли до сыров? Сколько в них растительных жиров? Нет ли и там “химии”? Никто не знает. А цены — уже за-предельные: 300–500 рублей за килограмм.

Иной раз с грустью смотрю, как в супермаркетах некоторые покупатели без разбору загружают тележки всевозможной снедью: колбасами, копчёностями, полуфабрикатами, тортами, печеньем, конфетами, банками, бутылками... У женщин вошло в моду делать пластиковые операции. А кожа-то дряблая от чего? От плохого питания. Увы, никакие “подтяжки” модницам не помогут, если будут продолжать есть всю эту отраву.

Побывал в племзаводе “Русь”, что в Домодедовском районе. Одно из лучших хозяйств в Подмосковье. Раньше здесь был современный нетелиный комплекс, но с началом “реформ” в АПК племенной скот оказался невостребованным. Увы, за последние пятнадцать лет стадо коров в целом по Московской области сократилось с 500 тысяч до 150 тысяч голов. Соответственно поубавилось и молочка. Производили его в 1990 году свыше 2 миллионов тонн. Ныне — втрое меньше. Далеко не тот и посевной клин. Пашня идёт под коттеджи, складские комплексы, промышленные предприятия.

Горькая судьба ожидала бы и племзавод “Русь”, если бы не поменяли специализацию. Возглавивший колхоз Карп Михайлович Тозлян — опытный, инициативный предприимчивый хозяйственник — понял: в сложившейся ситуации может выручить только молочное стадо. Молоко — это деньги каждый день. В течение короткого времени реконструировали фермы и стали наращивать поголовье коров. Довели надой в среднем на корову до 7 тысяч литров. Так бы везде!

Беседую с Карпом Михайловичем.

— Сейчас вот принята программа развития сельского хозяйства до 2012 года. Станет ли легче крестьянам?

— Хотелось бы верить в это, — говорит он. — Для начала необходимо проанализировать: какая продукция на прилавках магазинов? Сколько отечественной, сколько импортной? Дать простор своим сельхозтоваропроизводителям. Ситуация на молочном рынке удручающая. При немыслимом росте цен на горючее, запчасти, удобрения монополисты-переработчики, наоборот, резко снизили закупочные цены на молоко и мясо. Как это понимать? Крестьяне взяли кредиты на строительство новых ферм, влезли в долги, рассчитывали получить солидную прибыль, и вот те на: в ряде регионов принимали молоко по 12 рублей за литр, теперь предлагают вдвое меньше! Что-то не слышал, чтобы Антимонопольный комитет вмешался, пресёк явный сговор переработчиков. Потому в России и продолжают резать коров.

— Вы вот упомянули о необходимости подготовки специалистов, а ведь ныне только треть выпускников сельхозинститутов соглашаются поехать в деревню...

— Это беда! Производство и социальная сфера тесно сплетены. Кто поедет в глубинку, если нет жилья, закрыты школа, клуб, больница... Ну что для хозяйства одна квартира в год? Да ещё далеко не везде строят. Нарушен вековой крестьянский уклад. Дома на селе построены 30–40 лет назад. Гляди: вот-вот завалятся... Кого-то сие волнует? В XXI веке в России всё те же чёрные избы. У крестьян денег на жильё нет. Будем ждать новых ЧП, как в Оренбургской области, где рухнула школа? Хочется того или нет кому-то, но государству всё равно придётся заново отстраивать деревню. Иначе сельское хозяйство не поднять.

Поражаюсь: почему “наверху” не прислушиваются к мнению крестьян? Такое впечатление, что за их спинами ведётся какая-то нелепая игра... Слов о необходимости возрождения деревни сказано много, но одичалых полей всё прибавляется и прибавляется...

3. Во поле берёзкам не стояти...

Встречаясь с крестьянами, каждый раз испытываю чувство вины перед ними: у многих пожилых механизаторов – сутулые спины и измождённые лица (потрясись-ка от зари до зари на тракторе!), у доярок – скрюченные от холодной воды руки и усталые от недосыпания глаза. Почему-то все технические новшества по облегчению труда земледельцев и животноводов приходят к нам с Запада. В России об этом мало заботы. Смертность на селе выше, нежели в городе. В последние годы здесь закрыты тысячи больниц и фельдшерских пунктов, школ, детских садов, почтовых отделений. Можно представить себе, что на душе у крестьян... Насмотревшись на мытарства родителей, деревенские парни и девчонки без всяких раздумий покидают родные гнёзда.

– Не чаял, как выбраться из деревни: безденежье, нищета, уныние. Павлючи – в ста шестидесяти километрах от Брянска. Не сказать, чтобы глушь – мимо проходит автотрасса на Гомель, – но жизнь в крестьянских избах еле теплится. Работы нет, хотя местный колхоз ещё что-то сеет, убирает. Было много скота, осталась маленькая ферма. Разве с две сотни коров наберётся. Техника изношена. Работают в основном старики. Молодёжь разбежалась. А чего выжидать? Зарплату не выдают, записывают, как раньше, трудодни. По осени сунут мешок-другой зерна, картошки, и будь доволен. Как-то выдали к празднику по тысяче рублей – целое событие! Народ держится за счёт личных подворий. Продадут на рынке поросёнка, молоко, творог, сметану – тем и живут. У нас класс был сильный, учились хорошо. Сам я окончил техникум, собирался в институт, но где взять денег на учёбу? Пришлось отправляться на заработки. Все наши деревенские парни и девчонки в Москве, устроились кто охранником, кто дворником, кто продавцом. Снимаем жильё. Заработанное, считай, проедаем. Ну, год, два, три пошабашим, а дальше-то что? Перспективы никакой. У меня жена, маленький ребёнок. Надо куда-то прибиваться...

С Сергеем Лихомановым я познакомился в дачном посёлке. Подрядился поставить забор на соседней усадьбе. Разговорились. Ему и тридцати нет, но уже разочарован в жизни: помыкайся-ка по чужим углам... Вроде парень толковый, компьютер освоил, но приходится гвозди забивать. Сколько таких крестьянских детей кружит по России? Словно одуванчики, тронутые лихим ветром, уповают лишь на Божье милосердие.

Вечером по телевизору показывали футбольный матч из Монако за Суперкубок Евролиги. Играли команды питерского “Зенита” и английского “Манчестера”. Комментатор с восторгом сообщал, что стадион забит российскими болельщиками: приехало аж десять тысяч – намного больше, чем англичан. Операторы часто останавливали камеры на трибунах, выхватывая лица неистовствующих фанатов. Надо сказать – толпа была ещё та... Заплатили немалые деньжищи, чтобы добраться до Монако, втридорога покупали билеты на стадион, опустошили все пивные бары. Что это за люди? Труженики полей и ферм? Инженеры и профессора? Откуда у них доходы? Таких, как Сергей Лихоманов, думаю, здесь не было. Питерская команда выиграла. Боже мой, какие разгорелись страсти! По улицам Москвы, Санкт-Петербурга, других городов до утра раскатывали машины с национальными флагами, в новостях без умолку талдычили про феноменальный успех, небо озаряли фейерверки. У меня же не выходил из головы разговор с брянским пареньком-скитальцем. Что происходит с нами? Почему одни купаются в роскоши, другие пребывают в беспросветной нищете? Каждый год кончают жизнь самоубийством 50 тысяч человек! Это население крупного районного центра. Но не замечаем чужой боли...

Вот и церквей и монастырей восстановили порядочно, а народ всё равно в растерянности: не знают, кому верить. Знакомая рассказывала: “Пришла в храм на исповедь. К священнику – толпа. Дождалась своей очереди. Выкладываю грехи, плачу. А батюшка торопит, дескать, давай побыстрей – вон сколько ещё исповедников! Словно оборвалось что-то в груди...”

Поинтересовалась: есть ли у меня духовник? Что ей было ответить? Много сомнений, но не теряю веры в хорошее. Поведал о священнике отце Андрее из церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что в древнем селе Руднево Наро-Фоминского района. В XVI веке это была вотчина князей Барятинских. После войны – в 50-м году – храм взорвали. Как рассказывали местные жители, председатель колхоза Мария Егоровна Белова вздумала кирпич с церкви раздробить и пустить на отсыпку дороги. В момент положили храм в овраг.

Однако из затеи ничего не вышло: кирпич не поддавался... Бросили руины и убрались. О бывшем храме напоминали лишь семь исполинских вязов, которым не по пять ли веков? А вскоре председательша попала в автомобильную аварию и погибла. Долго потом судачил народ: "Видать, Господь не попустил надругательства над святыней..."

Нашлись подвижники (ветераны спецподразделения "Вымпел") и восстановили церковь. Но прихожан негусто. Разве в Пасху съезжается люд из соседних деревень. Обычно на службе с десяток самых истовых старушек. Отцу Андрею – чуть больше сорока. У них с матушкой Юлией шестеро детей. Живут в здании бывшей приходской школы. Как-то пригласили в гости. Всё очень скромно. Кругом развешана ребячья одежка. За чаем с медком потекла неторопливая беседа.

– Мне ведь первую дочку Машу доктора запрещали рожать, – разоткровенничалась матушка Юлия. – Ребёнок лежал в утробе поперёк, при родах могли быть осложнения. Жили тогда в Сергиевом Посаде. Конечно, приуныла... А отец Андрей и говорит: "Пойдём-ка в Лавру на братский молебен, приложимся к мощам преподобного Сергия Радонежского. Авось всё обойдётся..." Так и сделали. И вот чувствую: внутри какой-то толчок, вроде плод повернулся. Сразу полегчало. На другой день пришла в женскую консультацию. Врач осмотрела и говорит: "А вы знаете – у вас всё в порядке... Наверное, физические упражнения делали?" Промолчала, чтобы не сглазить. Слава Господу, дочка появилась на свет здоровенькой. И с рождением второго ребёнка – сына Миши – были трудности. Грудь воспалилась от мастита. В больнице говорят: "Надо резать..." Я – в ужасе: "Как же дитя будет без молока?" Опять пошла на поклон к святому Сергию. В храме одна женщина посоветовала: "Капни в мазь Вишневского пять капель водки и приложи на марле к груди. Всё пройдёт..." И точно. Через четыре дня краснота спала, мастит рассосался. А если бы послушалась врачей? Третьи роды оказались чуть ли не роковыми: потеряла много крови. Сынок Максим достался тяжко. Тут уж в роддоме категорически заявили: "Больше не смей рисковать..." А я после этого ещё троих родила: Настю, Аню и Серёжу. Видать, такова воля Божья! До того, как приехать в Руднево, где только не пришлось пожить... Оба из деревни. Кто даст квартиру? Два года училась в МИИТе. Бросила. Переехали в Коломну. Поселились при Голутвинском монастыре в стареньком домике. Крыша течёт, пол – гнилой, из всех щелей дует. На ремонт денег нет. Полтора года терпели, пока печь не завалилась. Чуть ребёнка не придавила – лежал в люльке у стенки. Стали думать: куда дальше податься, где найти приют? Отцу Андрею предложили работу в Наро-Фоминском благочинии. Согласились. Снова – чужой дом. Вздохнули с облегчением, лишь когда попали в Руднево...

– Но ведь здесь нет школы, – вырвалось у меня.

– Вожу ребят в православную гимназию, что в Краснознаменске, – вступил в разговор батюшка. – Далековато – двадцать пять вёрст. Можно было бы устроить и поближе, но как-то наведалься в школу соседнего посёлка и оторопел: учительница в перемену расставила детей попарно – рука в руку – и включила "ламбаду". Танцуйте! Как увидел кривляние детишек – повернулся и ушёл. Чему хорошему научат такие наставники? Плохое, оно впитывается быстрёхонько. Не успеют родители оглянуться, а с мальцом уже и сладу нет. В православной гимназии особо не побалуешь, спрос построже...

– Прямо-таки детский сад у вас, – вновь повернулся я к матушке Юлии. – Как только успеваете кормить, обстирывать такую ораву?

– Куда деваться? Раньше в крестьянских семьях детей бывало и побольше, но ведь не унывали? Конечно, трудно. Мне не у кого было спросить совета, до всего доходила сама. Сейчас уже старшие помогают. Всё полегче...

Нынешним летом отец Андрей взялся за постройку своего дома. Дети подрастают, надо думать об их будущем. Долго добивались в сельсовете земли под участок. Выделили только пятнадцать соток.

– Просил тридцать, но отказали, – сокрушался отец Андрей. – Хотелось бы и сад разбить, и огород распахать. А где? Толкуют про какие-то земельные торги... Богатым что? Покупают. А вот как быть неимущим?

Не укладывалось в голове: шестеро детей, и земли жалко... Сколько её заброшено! Где же забота государства? Чего стоят разговоры о повышении рождаемости? Почему у властей в России извечно какой-то патологический страх перед крепким крестьянином, крепкой семьёй, крепкой верой? Екате-

рина II за 38 лет своего правления раздарила фаворитам и любимчикам миллионы десятины земли вместе с крестьянами. Нечто подобное происходит и сегодня. Разве только крепости на крестьянские души не узаконили? Но, по сути, народ в кабале у олигархов.

Спросил отца Андрея:

– А не боитесь повторения гонений на церковь?

– Да разве ж мало было жертв? – вздохнул тяжело священник.

Глаза его погрустнели, он весь как бы ушёл в себя. Когда на руках шестеро детей, поневоле призадумаетесь.

Как известно, до 1917 года в России было 77 тысяч церквей и 1200 монастырей. В каждом храме – настоятель, дьяк, дьячок. Сколько ж священников пострадало в 30-е годы? А членов их семей? Точной статистики на этот счёт нет. Исковерканы миллионы судеб. Настоятелем Рудневской церкви до революции был отец Алексей (Беляев). Имел пятерых детей. В 1937 году его арестовали и расстреляли. Такая же участь постигла и другого священника этого храма – отца Георгия (Архангельского). 14 октября того же года – на праздник Покрова Пресвятой Богородицы он вместе со многими новомучениками за веру Христову был расстрелян на Бутовском полигоне. Только в 1936 году в Московской области закрыли 150 церквей. Религию пытались подменить коммунистической моралью. Но ничего из этого не вышло...

И вот сегодняшний день. Меньше жестокости? Жуть берёт. Особенно поражает лицемерие интеллигентов-либералов. В Кремль – очередь за наградами. Но что-то уж слишком робки голоса протеста против лжи, коррупции, духовного обнищания. Бравурные отчёты министров об “успехах” в экономике, социальной сфере, культуре не стыкуются с тем, что мы видим каждый день. Где отечественные наукоёмкие технологии? Оборудование на заводах и фабриках – иностранных фирм. В деревне – разор. Летаем на “боингах”, ездим на “мерседесах” и “тойотах”, одеваемся в китайский и турецкий ширпотреб (загубили своё льноводство), едим заокеанские гамбургеры. Пенсии стариков целиком уходят на оплату жилья. Воистину, куда ни кинь, везде клин.

Взялись за осуществление национальных проектов “Доступное жильё”, “Развитие АПК”, “Улучшение медицинского обслуживания”, “Совершенствование образования”. Ну и что? Цена квадратного метра жилой площади в столице взлетела с одной тысячи долларов до шести тысяч. Импорт продовольствия по-прежнему пугает своими темпами. В поликлиниках – те же длинные очереди. “Реформа” образования обернулась безграмотностью огромного числа россиян. Кто-то из высоких чиновников повинился? Ну ещё чего...

Москва, по сути, задыхается. Движение в городе парализовано автомобильными пробками. В чём причины создавшейся ситуации? Говорят, вырос парк машин, никудышные дороги и развязки, высокая аварийность. Но молчат о главном: в столице сосредоточено 80 процентов всех денег. Потому-то и рвутся сюда, создают всё новые и новые фирмы, скупают недвижимость. Кое-кто делает на этом баснословные капиталы. Отсюда и дороговизна, и коррупция, и высокий уровень преступности. Цены на земельные участки – просто запредельные! Фермер со своей продукцией не суйся!

Полвека назад была предпринята попытка рассредоточить по стране министерства, ведомства, научные учреждения. Создали совнархозы. Однако вскоре от идеи отказались. Чиновники победили. Иной раз думаю: откуда “наверху” столько бездарей, совершенно не знающих Россию? Целые отрасли оставляют после себя в руинах, и хоть бы им что!

Обман и надувательство – на каждом шагу. В пору пресловутой приватизации народ “осчастливили” ваучерами. Помните слова Чубайса: “Каждый ваучер равноценен двум “Волгам”. Так вот лично я получил на семью четыре такие бумажки. Приобрёл на них двадцать акций ПАО “Норильский никель”. Казалось бы, одна из самых успешных компаний. Обещали солидные дивиденды, но всё это оказалось блефом. Более того, проведя эмиссию, обесценили акции. Естественно, акционеры, наподобие меня, пытались возражать, но не дали и рта раскрыть. На годовых отчётных собраниях выступали только управленцы. А недавно прислали странное письмо: в течение 49 дней необходимо подать заявление о продаже имеющихся на руках акций. В ином случае деньги будут перечислены на депозит нотариуса в городе Дудинка Красноярского края. А там, мол, разбирайтесь...

Лихо? Цену за одну акцию установили просто смешную. Уверяют: всё по закону. Добавил бы: по волчьему закону. “Разве РАО “Норильский никель” перестанет существовать?” — поинтересовался у менеджера “Национальной регистрационной компании”. “Нет, останется”, — услышал в ответ. “А если я не согласен продавать акции на предложенных условиях?” — “Тогда подавайте в арбитражный суд...”

Нет уж, увольте! Знаем мы, чью сторону берут судьи в подобных спорах. Сколько раз уж обирали народ! То принудительными займами, то обесцениванием вкладов, то деноминацией. Если захотят — отберут и акции, и бизнес, и землю, и имущество... А тут ещё мировой финансовый кризис разразился: все эти акции теперь — труха. Стоит ли после этого удивляться всеобщей апатии?

Дворник, с которым люблю беседовать “за жизнь” (родом из нижегородской глубинки), как-то сказал мне:

— Нам нужны в сельском хозяйстве такие люди, как Столыпин, а в промышленности — как фабрикант Морозов. Тогда, может быть, что-то и сдвинется в экономике России...

Разве он не прав? Вспомнились слова Столыпина, произнесённые в Государственной Думе 10 апреля 1907 года при обсуждении аграрного вопроса: “... Цель у правительства вполне определённая: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится...”

XX век миновал, а тиски-то так и не разжаты... Не случайно Столыпин говорил и о просвещении. У нас за плечами — великая культура, и было бы грешно не использовать её во благо Отечества. Почему же отворачиваемся от духовного наследия? В моде — казино, рестораны, бордели... По телевизору — фильмы о насилии, разврате, роскоши... В радиоэфире — идиотизм и похабщина. Люди устали от негатива, хотят чего-то светлого... Если государство останется глухо к голосу народа, то вряд ли произойдут какие-либо перемены к лучшему. Душа взыскует чистоты...

Мир всё-таки держится на добрых делах. Убеждаюсь в этом снова и снова, колеся по просёлкам России. Нынче вот побывал в Липецкой области. Вряд ли кто из жителей древнего села Отскочное Краснинского района предполагал, что их земляк Виктор Иванович Таранин станет депутатом Государственной Думы Российской Федерации. После окончания восьмилетней школы парнишка уехал учиться — сначала в торговый техникум в Лебедев, а потом в Московский институт народного хозяйства имени Плеханова. Жизнь закрутила: получив диплом о высшем образовании, устроился на работу в столице, женился. Родились сын и дочь. Трудно было пробиваться в люди, но выдюжил.

Возглавляя крупнейшее плодоовощное объединение “Красная Пресня”, десять лет назад Таранин решился на смелый эксперимент: взял под свою опеку бывший совхоз “Большевик” Серпуховского района — ныне акционерное общество “Дашковка”. Расчёт был таков: самим выращивать овощи и самим же их продавать. Никаких посредников! В округе обанкротились десятки хозяйств, а ЗАО “Дашковка” ежегодно производит свыше 30 тысяч тонн высококачественной витаминной продукции, работает прибыльно.

Вот так проявилась крестьянская сметка в Таранине! Несуетлив, немногословен, без тени гордыни. Не забывает и о родной липецкой сторонке.

Вроде бы в Отскочном и двор-то пустой, и никого из большой крестьянской семьи Тараниных тут уже нет, но всё равно тянет сюда. Дом их стоял на высоком берегу Дона, откуда хорошо просматривались синеватые дали: поля, луга, леса.

— Помню, в детстве выбежишь поутру во двор, и сердце зайдётся от радости, — вспоминает Виктор Иванович. — Дон-батюшка в золотистых солнечных бликах, по берегам изумрудные куртинки раки, птицы заливаются на все голоса. Красотища! Жили своим хозяйством: держали корову, овец, гусей, кур. Распахивали огород. Родители с малых лет приобщали мальцов к труду. Каждому находилось дело по силам: картошку прополоть, в стайке убраться, скотину накормить. Особенно любили сенокосную пору: тут ребятишкам приволье. Дышишь ароматом лугового разнотравья и не надышишься! Разве такое забудешь? Вообще в больших семьях как-то крепче держались друг

дружи, проявляли больше любви, уважения к старшим. Нас у отца и матери народилось семеро: Валентина, Михаил, Николай, Александр, Алексей, Нина и я – последыш...

Удивился, когда узнал, что Таранин построил небольшой домик на месте старой избы, огородил сеткой усадьбу. Нет-нет да и наведается на родное подворье. Коренных жителей в Отскочном осталось негусто, а когда-то было свыше полутора тысяч человек. Четыре колхозные бригады. Для отделения куда как хорошо. Центральная усадьба располагалась в селе Дрезгалово. Там тоже рабочих рук с избытком. Вот когда надо было проводить аграрную реформу! Увы, ныне животноводческая ферма, что стояла на краю села, пуста: ни одной коровы. Работы нет. Молодёжь поразъехалась. Одни старики.

Что подтолкнуло Виктора Ивановича к мысли поставить при въезде в Отскочное, на месте разрушенной церкви Архангела Михаила, крест, обрамлённый каменной аркой? Память о предках, обживших эту землю? Или желание возродить село? Скорее, и то и другое. Затем взялся за благоустройство погоста. Расчистили заросли ивняка, отсыпали щебнем дорогу, вывезли мусор, огородили. А вскоре на краю кладбища появилась часовенка.

Многие годы в селе пустовало здание начальной школы. Таранин загорелся идеей сделать в ней краеведческий музей. Отремонтировали помещения. Нашлись энтузиасты, которые понатащили массу старинных крестьянских вещей: прялки, горшки, ухваты, мельничные жернова, косы, серпы, утюги, самовары, ткацкие станы, цепи, маслобойки, безмены, кружевные коклюшки, корыта и многое другое. Получилась чудесная экспозиция. Посетителей хватает: и местные, и приезжие. Летом дачники из городов ребятишек на волю привозят. Как же не побывать в музее?

В пяти километрах от Отскочного село Яблоново. В здешней школе Таранин учился в старших классах. Ходили пешком. Бывало – по сто ребятишек. В один из приездов заглянул сюда, и сердце защемило: нужда, что называется, изо всех щелей. В местном бюджете денег на ремонт нет. Помог привести помещение в порядок. Настелили свежие полы, заменили электропроводку, купили новую мебель, оборудовали компьютерный класс. Школа похорошела. Довольны и родители, и ребятишки.

Виктор Иванович настолько тепло рассказывал мне о родном селе, что захотелось побывать в нём.

От Ельца до райцентра Красное – всего-то полсотни километров. Позвонил главе Яблоновской сельской администрации Виктору Ивановичу Бартеневу. День был суботный, и, на моё счастье, он смог выкроить время и приехать за мной. Сам за рулём машины. Долго выбирались из Ельца. Городок живописнейший! Но дороги... Дороги разбиты до безобразия. Вспомнил, у Пушкина в “Путешествии в Арзрум”: “До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти вёрст. Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зелёной равнине...” Пожалуй, везде так: федеральные трассы худо-бедно латают, но стоит свернуть в тот или иной маленький городок – яма на яме...

Бартенева оказался прекрасным собеседником. Агроном по образованию, он ещё и любитель старины, коллекционер. Въехали в село Никольское. Сбоку мелькнула церквушка.

– Старинное поселение, – перехватил взгляд Виктор Иванович. – В летописи сказано: “Село Никольское основано в 1610 году. Рядом – Яблонова поляна и починок...” В десяти вёрстах от Яблонова по реке Красивая Меча – село Тютчево, где хан Мамай разбил свой последний шатёр перед Куликовской битвой... Дальше село Талица, здесь стоял Талицкий острожек. Нынче будем отмечать 330 лет селу Красное. А в Отскочном особо почитают Русальскую икону Божией матери. Праздник приходится на следующее воскресенье после Троицы. По легенде, святыню обнаружили когда-то у источника, и с тех пор в этот день в селе народные гулянья. Веселятся и стар, и млад...

Слушаю Бартенева, а сам посматриваю на поля обочь дороги: то картофельные плантации, то посевы рапса, то озимые. Значит, живут хозяйства.

– Что-то не видать коров, – говорю собеседнику.

– Увы, стадо заметно поредело, – вздыхает Виктор Иванович. – Новые владельцы земли животноводство не жалуют: много возни. Упор – на зерновые. В Яблоново теперь ООО “Вавилово”. Под зерновыми – тысяча восемь-

сот гектаров. В прошлом году урожайность озимых составила свыше пятидесяти центнеров. А вот фермы ликвидировали. Было под две тысячи голов скота. Производили двести сорок тонн мяса, много молока. Ныне ни одной коровёнки. Считаю, полсотни доярок и скотников не у дел. Жалко людей...

И подумалось: маленький ручеёк никто не имеет по закону права перекрыть, а молочные реки – без проблем. Оставили детишек без “живого” молока, и как будто так и надо.

Село Отскочное – в стороне от больших дорог. Место живописнейшее: холмы, низинки, куртинки лозин. Грейдер отсыпан гравием – не увязнешь, как раньше, в грязи. Спускаемся в Банный овраг. Щеглы, горлиčky, дрозды... Сразу представил: каково ребятишкам было топать в школу за пять километров. Однако ведь не роптали на судьбу! Жили будущим.

В музее встретили Владислав Владимирович Сапрыкин и Валентина Ивановна Бартенева. С гордостью показывали собранные экспонаты. На стендах много фотографий, документов, наград колхозников. В книге отзывов – масса благодарностей за подвижнический труд. Валентина Ивановна отработала 45 лет дояркой. Есть что рассказать. Кто жил в селе? Таранины, Пеньковы, Щетинины, Корнеевы, Быковы... Простые житейские судьбы, но за ними – сама история России. Рядом с музеем – памятник 150 солдатам-односельчанам, ушедшим на фронт.

Доброе дело – пример для подрастающего поколения. Так считает Виктор Иванович Таранин, зажигая в людях веру прежде всего в себя, собственные силы. Ведь смогли же привести в порядок сельское кладбище. В часовенке – иконы, подсвечники, лампадка. Всё по-божьи, всё по-человечески. Надо и другие проблемы решать.

– Словно воскресли, – улыбается Анна Степановна Бартенева (тут многие с такой фамилией). – На Пасху и в поминальные дни толпы со всей округи... Видят хорошие перемены в селе и тянутся на малую родину...

Рядом внучок Серёжа. Слушает и внимает. Кто знает, может, таким, как он, восстанавливать отчину прародину?

Старожил села девяностолетний Георгий Игнатьевич Пеньков, говоря о семье Тараниных, заметил:

– Крепкие хозяева. Особенно дед Карп Емельянович солиден был. Помню, уполномоченные всё в колхоз подгоняли, пришли к Карпу: “Что у тебя из скота?” А он ухмыляется: “Кроме меня и кота, нету больше скота...” Отвазались. Мужики любили его за ум, смётку...

В народе говорят: “Каков корень – такова и поросль”. Крестьянский сын Виктор Иванович Таранин не чувствует себя гостем в родном селе. Вернула его сюда память. Всё, что впитано с материнским молоком, – свято.

Может, вспомнят о своих деревеньках и сотни тысяч других скитальцев – парней и девчат, возвращённых землёй? Очень хотелось бы в это верить. Впрочем, как и в то, что русские поля не будут зарастать берёзками.

В октябре исполняется 60 лет Александру Николаевичу Арцибашеву — замечательному очеркисту, самобытному прозаику, знатоку и защитнику русской деревни. Редакцию журнала связывает с Александром Николаевичем долгая и плодотворная творческая дружба. За многие годы он опубликовал на наших страницах десятки произведений.

Сердечно поздравляем нашего автора со славным юбилеем.
Желаем здоровья, крепости духа и дальнейших творческих свершений!